

**«СОЦИОЛОГОС: ПЛАТОНИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ»
АЛЕКСАНДРА ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРА
И «ПСЕВДОСОЦИОЛОГОС.
ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРУ»
ПИТИРИМА СОРОКИНА¹**

Аннотация. Впервые на русском языке читателю предлагается перевод статьи американского антрополога Александра Гольденвейзера, направленной против трех томов четырехтомной «Социальной и культурной динамики» Питирима Сорокина, вышедших в свет в 1937 г. Критика ведется по всем направлениям и представляет собой тотальное отрицание всей сорокинской «Динамики». Статья написана в форме «платонического диалога», в котором участвуют всемирно известные ученые, художники и социологи, а возглавляет весь этот «ареопаг» сам Сократ, который, выслушав мнения обвинителей, приговаривает Сорокина к смертной казни. В своей ответной статье Сорокин анализирует все пункты обвинения, выдвинутого в его адрес, и на все дает свой категорический ответ: «Не виновен!» Публикация приурочена к 85-летию выхода в свет трех томов «Социальной и культурной динамики».

Ключевые слова: «Социальная и культурная динамика»; Питирим Сорокин; Александр Гольденвейзер; принцип ограниченных возможностей; принцип лимита; история и методология социологии; американская социология; антропология; научная полемика.

Для цитирования: «Социологос: платонический диалог» Александра Гольденвейзера и «Псевдосоциологос. Ответ профессору Гольденвейзеру» Питирима Сорокина / Пер. с англ. и публикация В.В. Сапова // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 3. С. 133–149. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9155 EDN: IYSFNS

¹ Примечания переводчика, обозначенные в тексте римскими цифрами, приводятся в затекстовых сносках.

В следующем номере 4 будет опубликована статья В.В. Сапова «“Пророк” в стране “фарисеев”. “Социальная и культурная динамика” Питирима Сорокина и ее критики», где автор анализирует историю полемики, возникшей между американским антропологом Александром Гольденвейзером и Питиримом Сорокиным после публикации трех томов «Социальной и культурной динамики», причины неприятия этого труда со стороны академической американской социологии, а также приводит полный список рецензий на «Динамику», опубликованных в мировой прессе в 1937–1942 гг.

АЛЕКСАНДР ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР
СОЦИОЛОГОС: ПЛАТОНИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ
ALEXANDER GOLDENWEISER
SOCIOLOGOS: A PLATONIC DIALOGUE*

Кетле: Признаюсь, Сократ, что я очень впечатлен трактатом Сорокина.

Наконец-то мы можем говорить с объективностью и точностью о таких расплывчатых понятиях, как война и мир, исторические репутации, художественные особенности культурной эпохи. Это действительно очень замечательно. Вклад Сорокина, повторяю, превзошел мои самые оптимистические мечты.

Сократ: Меня восхищает твой энтузиазм, Кетле, но могу я задать тебе один или два вопроса?

Кетле: Конечно, Сократ, и я думаю, что легко будет развеять твоё недоумение.

Сократ: Тогда скажи мне, Кетле, война, в которой участвуют войска численностью в 40 тысяч человек лучше или хуже, чем война, в которой принимают участие 20 тысяч, и в каком из этих двух случаев воюющую нацию следует считать более миролюбивой, а в каком более воинственной?

Кетле: Мне трудно разобраться в этом, Сократ. Мне кажется, что твои вопросы к делу не относятся.

Сократ: Я, пожалуй, соглашусь с тобой, Кетле. Но твой ответ вынуждает меня задать тебе ещё один вопрос.

Кетле: Я слушаю.

Сократ: Мы все, конечно, признаем, что энциклопедия Британника (9-е издание) представляет собой самый замечательный труд (представь только, от скольких усилий он избавил бы Аристотеля и от скольких ошибок бы спас!), но давай рассмотрим ситуацию спокойно. Кто были те люди, которые писали биографии для этой энциклопедии, и в каких условиях они делали свою работу?

Кетле: Признаюсь в своём невежестве, Сократ.

Сократ: В таком случае давай призовем свидетеля, который должен это знать.

(Вперед выступает довольно бедно одетый человек в огромных очках.)

Автор биографий: Я — тот, кто тебе нужен, Сократ. Я написал сотни биографий, и, говоря по правде, до сих пор меня мучают ночные кошмары, стоит мне только подумать об этом.

Сократ: Ну, тогда скажи, кто определял объемы биографий?

* In place of a review of: Sorokin P.A. *Social and Cultural Dynamics*. New York: American Book Co., 1937. 3 Vols. — 715; 727; 636 p. [Вместо рецензии на: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Нью-Йорк: American Book Co., 1937. 3 тома. — 715 с. — 727 с. — 636 с.]

Автор биографий: Редактор, конечно.

Сократ: И ты следовал его инструкциям?

Автор биографий: Я старался, Сократ.

Сократ: Твои статьи печатались в том виде, в каком ты их писал?

Автор биографий: Мне больно думать об этом, Сократ. Но, даже когда мои тексты соответствовали всем требованиям, они редко когда выходили в том виде, в каком были написаны. Видишь ли, в энциклопедии так много всего, а объем ограничен.

Сократ: Всегда ли главный редактор — Робертсон Смит, а это, помнится, был он — проявлял беспристрастность при рассмотрении биографий?

Автор биографий: Когда я думаю об этом, Сократ, я понимаю, что нет. Ты знаешь, он был весьма неравнодушен к религии (подозреваю, что он был помешан на своей «Религии семитов»), и все персонажи, так или иначе связанные с религией, всегда имели хороший шанс на одну или две дополнительные строки в их биографиях. Конечно, это нужно было делать в другом месте.

Сократ: Вот именно. Ты оказался нам весьма полезен.

Кетле: Не думаю, Сократ, что ты вполне справедлив. Вспомни о сорокинской классификации исторических персонажей на шкале от 1 до 12. Все становится ясным и однозначным.

Сократ: Боюсь, это так, Кетле. Ты, наверное, помнишь, что Сорокин отмечает, сравнивая кривую, построенную на основе градуированного ряда персонажей, с такой же, но не градуированной кривой?

Кетле: Ну да, конечно. Он говорит, что между ними очень мало различия: кривые почти идентичны.

Сократ: Совершенно верно. Я думаю, что двое из присутствующих здесь могут просветить нас в этом вопросе. Я имею в виду Вундта и Маха.

Вундт: В своей книге «Лекции о душе человека и животных» я показал, что, при прочих равных условиях, более простая гипотеза предпочтительнее более сложной.

Мах: И я всегда утверждал, что это несовместимо с принципом экономии мышления — идти более сложным путем, чем причинные гарантии, по крайней мере, в интеллектуальных вопросах.

Сократ: Думаю, что если бы Сорокин ограничился своей неградуированной кривой, он избавил бы себя от лишнего труда, а нас — от немалого раздражения.

Вундт, Мах и Кетле: Согласны, Сократ.

Кетле: Боюсь, Сократ, что ты, как всегда, прав. Я начинаю думать, что цифры и графики, приведенные в «Социальной и культурной динамике», отражают скорее букву, а не дух моего учения.

Сократ: Теперь, Герберт, ты рисков.

Герберт Спенсер: Я хочу сказать, Сократ, одну простую вещь. Конечно, я не ожидал, что Сорокин будет поддерживать мою эволюционную теорию; на горьком опыте я убедился в том, что теории, как и репутации людей, переживают свои взлеты и падения. Теория социальной эволюции сейчас находится в загоне. Но поверь мне, через некоторое время о ней вспомнят...

Сократ (перебивает): Я согласен с тобой, Герберт; людям, которые слишком уверены в себе, следует показывать, в чем они заблуждаются; но в этом вопросе ты, я полагаю, абсолютно прав. Антиэволюционисты в своем рвении перегибают палку.

Спенсер: Ну, это, впрочем, не важно. Я думаю, что Сорокин мог бы дать мне фору в понимании общества как организма. Послушайте-ка, что он говорит о культуре: «Истина заключается в том, что ни одна из частей и ни одно из мельчайших изменений, претерпеваемых ею, не оказывают существенного влияния на другие части, но все части вместе и весь процесс их трансформации подчинены общей внутренней природе организма как единого целого». Если этот отрывок изложить более понятным языком — а позвольте вас заверить, господа, что этот человек, Сорокин, несмотря на все его научные притязания, в душе является мистиком, — то его можно было бы принять за цитату из моей книги «Данные социологии», если не считать, конечно, того, что в моих сочинениях форма изложения всегда приспособляется к мысли, чего не скажешь о труде Сорокина.

Группа учителей английского языка из средней школы: Правильно, правильно! То, что вы говорите о себе, Спенсер, может быть, не так уж и верно, но ваши слова о Сорокине точно отражают наши настроения. За то время, что его читатели будут продираться через все эти словечки «каузалист», «уницист», «линеарист», «циклист», их вкус окажется настолько испорчен этим «социологико-феноменологическим» словоблудием, что от плодов наших многолетних трудов мало что останется.

Сократ: Я думаю, эти джентльмены правы. Мои коллеги софисты, хоть и были в каком-то смысле жуликоваты — с этим я согласен, — но нужно отдать должное и им: греческий язык они не засорили и пользовались им грамотно. Когда они говорили или писали на греческом языке, это был греческий, а не персидский и не еврейский. Подобно тому как у каждого из нас есть своя «душа» (*слегка краснеет*), так и каждый язык имеет свою душу или своего собственного гения, к которому не следует относиться беспечно. Однако допустим, что Сорокин — ученый, а не писатель. Не было худшего преступления против истины, чем коверканье слов. Но я замечаю, что наш высокочтимый собеседник, его превосходительство Моммзен, проявляет нетерпение.

Моммзен: Да, Сократ, ты все видишь и все слышишь. А я вот должен сказать, что и ко мне люди не всегда были справедливы. Например,

взяли моду принижать труд всей моей жизни, упрекая меня в том, что я никогда не слышал о тотемизме или Ледниковом периоде. Другие со злорадством распространяли абсурдный анекдот о том, как я однажды не узнал своего собственного сына (или это была дочь?). Глупцы! Видимо, они совсем без царя в голове! Одного, во всяком случае, никто не может отнять у меня. Я знал мои века и знал, какой век чего стоит. Историк знает слишком много о мятущейся жизни человечества, чтобы сваливать все века в одну кучу, как коллега Сорокин, и утверждать, что, с его точки зрения, с точки зрения стоящего над схваткой, важное значение имеют лишь крупные фундаментальные сдвиги в культурной ориентации, происходящие каждые несколько столетий или около того. Ведь ячейки его невода так широки, что все, имеющее значение для истории, проскальзывает сквозь него.

Сократ: Совершенно верно, Моммзен; и я хотел бы со своей стороны добавить, что занятие этими флуктуациями кажется мне удивительно знакомым. Еще когда меня не было в Афинах, старина Анаксимандр, а с ним заодно Анаксимен и иные прочие заигрывали с этим понятием...

Антрополог инкогнито: Есть, правда, одно ценное понятие, которое использует Сорокин, — понятие лимита, но я удивлен, что такой эрудированный социолог, кажется, нигде не ссылается на тот факт, что в моей статье «Принцип ограниченных возможностей в развитии культуры», опубликованной еще в 1913 году, содержится теоретическая разработка этого принципа.

Эдуард Мейер: Я думаю, наш антрополог прав. И позвольте мне добавить, что мое собственное учение об *Umschwung der Idee*¹ содержит все существенное в теории флуктуаций.

Сократ: Совершенно верно! Нет ничего нового под солнцем, и, по-видимому, мы связаны этим старым по рукам. Плохо, когда его игнорируют, но еще хуже, когда его...

Франц Боас (в окружении целого сонма учеников, пребывает): Искажают.

Сократ: Вот именно, Франц. Но что конкретно ты имеешь в виду?

Франц Боас: А вот что. Сорокин нас, антропологов, и проигнорировал, и исказил. Когда он трактует о своих «линеаристах», он продолжает громить социальную эволюцию, как будто нас никогда и не было. И, честно говоря, он делает это гораздо менее эффективно — пусть даже и более увлекательно, — чем это сделали мы уже давно, и весьма обстоятельно. Например, на с. 221 первого тома он пишет: «Настало время освободить наши умы от широко распространенного заблуждения двух предыдущих веков, будто “природа” и тем более социально-культурные процессы абсолютно единообразны и всегда происходят одним и тем же монотонно неизменным образом. На самом деле они гораздо более разно-

образны и носят творческий характер». Конечно, это было бы ужасно, Сократ, если бы было правдой, чего, впрочем, никогда и не было. Даже Конт, каким бы догматиком и экстремистом он ни был, никогда не верил и не заявлял, что культурные процессы «абсолютно единообразны» или что способ их развития «монотонно неизменен». Решительно заявляю, что здесь перед нами специально созданный вымышленный противник. Даже Спенсер, ярый эволюционист, допускал большие различия в культурном росте. Наконец, антропологи за последние пятьдесят лет камень за камнем разрушали амбициозную доктрину эволюции, почти до тех пор, пока не зашли слишком далеко.

Что касается интегрального взгляда на культуру, Сорокин, по-видимому, совершает ошибку под названием «все или ничего». В данном вопросе он понимает нас совершенно неправильно. Ни один антрополог не представляет себе культуру ни как простую совокупность разрозненных фактов, ни как абсолютно интегрированную целостность. Мы признаем тенденцию, направленную к интеграции, более или менее широкой, более или менее глубокой.

Сократ: Я думаю, что Франц находится на правильном пути. Я знаю, что в мое время в Греции, например, этика, политика и философия находились в очень тесном единстве, тогда как сегодня — насколько я вообще понимаю эту западную цивилизацию — эти гуманитарные дисциплины чрезвычайно далеки друг от друга.

Но пойдем дальше. Я несколько удивлен, что идеи Сорокина об искусстве — а как вы знаете, он посвятил ему целый том — пока не вызвали никаких комментариев.

<p><i>Группа художников Фламандской школы</i> <i>Женщины-индианки из Пуэбло и Калифорнии</i> <i>Французские ткачи гобеленов XVI века</i></p>	}	<p>Мы ждем своей очереди, Сократ.</p>
--	---	--

Сократ: Ну, тогда все в порядке. Слово предоставляется Рембрандту. *Рембрандт (от лица своих фламандских коллег):* Признаюсь, что от причуд Сорокина насчет пределов «чувственного» искусства у меня кровь закипает. Только человек, совершенно нечувствительный к искусству (и художнику!), может на самом деле поверить, что наше искусство (и, если на то пошло, любое искусство) ограничивается чувственной сферой. Как будто изображение действительности в том виде, как она воспринимается (или даже как она есть на самом деле), было когда-нибудь или могло быть целью какого-нибудь художника, или — если бы цель была таковой — она могла бы быть реализована! Мало же он знает об условностях, которые нас сдерживают, об образцах, навязанных нам нашими предшественниками, о наших мечтах и борениях, о наших муках и видениях.

Сократ: Но все-таки согласитесь, Рембрандт, что существует разница между духовным искусством и искусством натуралистическим, заземленным, и что разница эта довольно существенна.

Рембрандт: Конечно, это так, Сократ. Но чем я возмущен, так это чудовищным преувеличением и тем, что ругательное слово «чувственное» не соответствует ничему такому, что я или — я в этом уверен — кто-нибудь из моих коллег, присутствующих здесь (*окидывает их взглядом*), когда-либо ощущал или предполагал.

Одна из индианок: Мы очень хорошо понимаем нашего голландского друга. Говоря об идеациональном, идеалистическом и чувственном искусстве, Сорокин совсем забыл о нас. Ни одно из этих понятий не соответствует тому, что делаем *мы*. Мы мастерицы и декораторы, мы любим красивые формы, цвета и узоры и гордимся своим мастерством. Когда мы «грезим» о наших узорах или видим их мысленным взором, перед тем как их осуществить, наши мысли не воспаряют к небожителям, но и не имеют отношения к земным вещам. Что нас поглощает, так это техническая задача для рук и рождающаяся красота для наших созерцающих глаз.

Один из ткачей гобеленов: Хорошо сказано, сестры. Я с сожалением должен сказать, что в наши дни мы ничего не знали о наших индейских братьях. Теперь, когда мы слышим, как они выражают свое профессиональное кредо, нам кажется, что до нас доносится эхо наших собственных сокровенных мыслей. Да, красота формы и техническое мастерство — это были и наши проблемы.

Леонардо да Винчи: Боюсь, Сократ, я немного нарушу порядок...

Сократ: О, нет, Леонардо, говори! Ничье ухо не останется глухо, когда говорит да Винчи.

Леонардо: Ну, тогда скажу о том, что мне пришло на ум. С тех пор как высказался Кетле, я все размышлял над абсурдностью применения к искусству так называемого количественного критерия, как это делает Сорокин. Возьмем мой собственный случай. Я оставил потомкам в общей сложности около полудюжины готовых полотен. С другой стороны, Рафаэль одних только Мадонн написал не меньше шестидесяти, не говоря уже о других его великих трудах; тогда как Тициан, без усталости работавший до самой смерти, оставил свою подпись на сотнях картин. Какое значение, спрашиваю я, это неравенство в производительности имело бы для оценки наших индивидуальных талантов, и насколько повысилось бы понимание искусства Ренессанса, если бы все наши полотна были собраны вместе, чтобы получилась общая арифметическая сумма? Как некоторым из вас известно, я знаком с цифрами, и измерения не чуждая для меня сфера, но эта установка на подсчет картин сотнями и тысячами мне кажется годной для применения на свалке искусства, а не для трепещущего искусства живого чело-

вечества. И раз уж я говорю, позвольте мне добавить еще вот что. Мои собратья по цеху и, конечно, в некотором смысле учителя из Нидерландов уже выразили свой протест по поводу применения к их творчеству термина «чувственное». Я хочу сделать то же самое как ученый-теоретик. Каким образом творческий ученый, разрабатывает ли он теорию или трудится в своей лаборатории, устремляется к «чувственной» цели, а не к «идеальной» или «идеалистической»? Не уподобить ли настоящего ученого поэту — поэту, конечно, заурядному, ибо ученый не может предаваться безответственной игре поэта в слова, но тем не менее поэту?

Сократ: В этом вопросе, Леонардо, я лично не совсем согласен с твоим суждением, хотя и ценю красоту твоей мысли. Но, когда ты говорил, я слышал голос Платона — самого светлого из людей, — который, я уверен, думал бы, как и ты. Уважаемый, славный Платон, который сотворил идеи, сотворил красоту и (*понижив голос*) сотворил меня.

Эйнштейн: Да, Сократ, добавь мое имя к именам Платона и да Винчи. Математика и физическая теория (я вполне бы мог сказать «или») — наука всей премудрости, больше всего помогающая нам познавать природу и покорять ее, — тоже близнец поэзии, почти неотличимый близнец. Должен добавить, что эту мысль Бертран Рассел когда-то выразил в словах, гораздо более изящных, чем мои.

Макс Вебер: Для меня, Сократ, труд Сорокина, в частности его оценка, данная вами, господа, представляет большой интерес, особенно потому, что я таким образом нашел долгожданное подтверждение моих заветных принципов, касающихся того, что должно делать и чего не следует делать в научном исследовании.

Сократ: Да, Макс, я думал о тебе, пока мы разговаривали. Действительно, я не спорю с тем, что мы, древние греки, извлекли бы огромную пользу, если бы смогли прочесть страницы об идеальных типах, написанные почти на двадцать три века раньше. У нас было собственное представление, но мы абсолютно не понимали, что с ним делать. Но давайте послушаем о твоём вкладе.

Вебер: Я рад слышать, Сократ, что ты ссылаешься на идеальный тип, потому что именно по этому вопросу у меня есть первая претензия к Сорокину. Его идеациональная, идеалистическая и чувственная культуры явно задуманы как идеальные типы, ибо в реальности, Сократ, мы их нигде не встречаем во всей их полноте. Но беда нашего автора заключается в том, что его идеальные типы выделены неправильно. Они — если позволите мне воспользоваться немецким выражением — *aus der Luft gegriffen*ⁱⁱ, не опираются на конкретный анализ. Сорокин выводит характеристики своих противостоящих друг другу культур из того, что он принимает как логические посылы — как если бы культуры были математическими теоремами, а не историческими образованиями, — а затем

обращается к опыту в поисках подтверждения. Сорокин намерен, как сам он говорит, «первое — показать, что вышеописанные типы ментальности на самом деле существовали в истории; второе — показать, что в этих историко-культурных комплексах сочетание элементов и сопутствующих свойств (сателлитов) в каждом типе было *точно таким, как описано*» (vol. I, p. 100). Я подчеркиваю последние четыре слова, Сократ, ибо — если мы вообще знаем что-нибудь об истории — сам факт такого якобы «точного» соответствия между априорной логической схемой и конкретной исторической реальностью должен был бы заранее предупредить Сорокина о том, что что-то здесь абсолютно ошибочно.

Сократ: Совершенно верно, Макс, одним из следствий положения о том, что истина есть благо, является то, что некоторые вещи слишком хороши, чтобы быть истиной.

Вебер (игнорируя замечание Сократа): Ну, в моей собственной версии сам идеальный тип извлекается из эмпирической реальности, а именно путем преувеличения его типичных или иных значимых аспектов (так, например, Веблен применял такой подход, описывая предпринимательское сообщество). Идеальный тип, стало быть, хотя он в некотором смысле нереален, коренится тем не менее в самой действительности. Очевидно, что этого нельзя сказать о сорокинской чувственной культуре, да и об остальных тоже. Еще одна не менее важная проблема, связанная с сорокинским анализом, — это неосознанность им его собственных оценок. Вы все знаете, конечно, какое большое значение я придаю ценностям во всех вопросах культуры. Категорически не соглашаясь с моим другом Мангеймом, что простое осознание противоречивых оценок может как-то привести к ненормативной и объективной истине, я, однако, считаю, что, когда необходима объективность, ценности могут быть обезврежены, хотя бы частично, если мы о них знаем. Здесь Сорокин опять-таки терпит неудачу. Когда он говорит о «глубоких, почти непостижимых пучинах аскетической идеациональной ментальности», его заверения могут быть такими же, как у ученого, но голос его — это голос мистика. Аналогичным образом, говоря о современном импрессионизме, Сорокин отмечает: «В течение какого-то времени он мог жить в иллюзорном мире мелькающих фантазмагорий, среди беспокойных миражей непрерывного Становления (тени Гегеля, господя, но это не важно!), но никто и никакое движение не могут жить долго в таком мире иллюзорных видимостей. Не смог и импрессионизм» (vol. I, p. 362). Что же, позвольте спросить, является иллюзией в данном контексте?

Рискуя показаться самонадеянным...

Сократ (перебивая): Продолжай, Макс, продолжай, все это крайне поучительно!

Вебер: Я хочу остановиться еще на одном, и последнем, пункте. Мы все знаем, насколько важны термины и определения в научном дискурсе (софисты в этом отношении дали нам весьма ценный урок), но мы также знаем, что нередко то, что претендует быть определением, на проверку оказывается не более чем новой формулировкой или даже просто парафразом. Возьмем, к примеру, такое высказывание Сорокина: «Являются два или более феномена идентичными, сходными или разными, зависит прежде всего от ряда характеристик этих феноменов, являющихся идентичными или разными. При прочих равных условиях, чем больше количество идентичных и меньше число разнородных характеристик, тем ближе феномены к идентичности, и наоборот» (vol. I, p. 165). На первый взгляд кажется, что автор как будто что-то здесь говорит, но прочитайте отрывок еще раз и теперь скажите мне: разве он действительно что-то сказал?

Сократ: Тени становятся длиннее, господа, и нам пора заканчивать наше обсуждение. Но прежде чем закончить, позвольте мне попросить Огюста Конта произнести заключительное слово.

Конт: Как основатель социологии и изобретатель самого этого термина я, друзья, очень близко к сердцу принимаю все это. Позвольте мне предложить, поскольку все мы уже высказались, считать нас судом присяжных и в этом качестве вынести приговор нашему коллеге Сорокину по следующим пунктам: находим ли мы его виновным или нет в наложении логической схемы на историческую реальность; в злоупотреблении статистическим методом, что способствует затемнению качественных понятий; в игнорировании и неправильной интерпретации его предшественников и современников; в убийстве множества воображаемых противников и — последнее, но не менее важное — в порче литературного английского языка чрезмерным употреблением неидиоматических и самодельных терминов.

Сократ: Да будет так.

(Присутствующие обмениваются краткими репликами и ведут оживленные споры. Затем все поворачиваются к Конту.)

Конт: Мы готовы, Сократ, ваша честь.

Сократ: Вы вынесли вердикт, господа?

Конт: Да, ваша честь.

Сократ: И каков же он?

Конт: Мы признаем подсудимого виновным по всем пунктам.

(Общее выражение удовлетворения.)

Сократ: Моя задача как судьи не из приятных. Я никогда не любил судей. Но справедливость должна восторжествовать. Если бы подсудимый совершил вышеназванные преступления в объеме одного тома, я бы счел это смягчающим обстоятельством и приговорил

его к пожизненному заключению. Но он написал три тома (и четвертый на подходе). У меня нет выбора. Поэтому я приговариваю обвиняемого к смерти от цикуты.

Дж. Б. С. Холдейн: Сократ, я могу предположить, что ядовитый газ был бы уместнее в наше время и, кроме того, гуманнее. Он действует быстрее и никогда не подводит.

Сократ (с некоторым раздражением): Холдейн, вы же понимаете, что нарушаете регламент. Кроме того, ваше предложение неприемлемо как по логическим, так и по гуманным соображениям. К тому же я думаю так (*встаем*): то, что вполне подходило для Сократа, подойдет и для Сорокина.

University of Wisconsin

(Journal of Social Philosophy. 1938, Vol. 3, No. 4, Winter, P. 350–358)

ПИТИРИМ СОРОКИН
ПСЕВДОСОЦИОЛОГОС
ОТВЕТ ПРОФЕССОРУ ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРУ
PITIRIM A. SOROKIN
PSEUDO-SOCIOLOGOS
A REPLY TO PROFESSOR GOLDENWEISER

Зачем приписывать великим мыслителям жалкий лепет? Если бы Сократ, Спенсер, Конт и любой другой из упомянутых великих мыслителей обсуждали важные проблемы столь путано и небрежно, как заставил их это делать сотоварищ Гольденвейзер, они бы никогда не стали чем-то бóльшим, чем он сам. Поэтому оставим их в покое и обратимся непосредственно к обвинениям господина Гольденвейзера и его вымышленных персонажей.

По поводу неправильного использования английского языка. В ответ на обвинение в том, что мой английский язык не совсем хорош, могу сказать только то, что это вполне возможно, поскольку я никогда и не претендовал на какие-нибудь особые тонкости литературного построения. Однако в свою защиту по этому поводу могу кратко процитировать нескольких компетентных свидетелей:

«Книга профессора Сорокина написана просто, ясно, и красиво» (А. Ливингстон в: N. Y. Times Book Review, June 20, 1937).

«Очень четкий и изящный стиль» (Г. Кон в: Graphic Survey, August 1937).

“Il clôt son troisième tome par un petit chef-d’œuvre de littérature”ⁱⁱⁱ (Э. Диакониде в: Revue internationale de sociologie, Nos. I–II, 1938).

По поводу неологизмов. У Гольденвейзера их примеры приводят преподаватели средней школы. На самом деле все эти термины, в том числе само слово «чувственное», можно найти в любом хорошем словаре английского языка. (Хотя, что касается антропологов, я должен признать определенную их правоту, когда они обсуждают изобретен-

ные слова.) Моя работа не предназначена для человека, чей словарный запас ограничивается терминами, употребляемыми в рамках его прихода, и поскольку ученые, знакомые с определенными сферами знания, с этими терминами разобрались и аналогичных возражений не сделали, перейдем к более серьезным обвинениям.

Относительно взглядов на искусство. Здесь словесные излияния персонажей г-на Гольденвейзера с чужими именами настолько путаны, что трудно понять их реальное содержание. Критик признает, что «разница [между идеациональной и чувственной формами искусства] не лишена значения». Тогда в чем же я ошибаюсь? Если я виновен в том, что «идеи Сорокина об искусстве... не вызвали никаких комментариев», то критик, как обычно, ошибается. Среди пространных и кратких откликов, опубликованных по этому поводу, критик может найти в музыкальном журнале “*Zeitschrift für Aestetik und allgemeine Kunstwissenschaft*” (No. 2, 1938) очень содержательную и умную статью “*Ideenkunst und Sinnenkunst: Zu Pitirim Sorokins Lehre von der Fluctuation der Kunstformen*”^{iv}. Я мог бы добавить, что помимо использования идей моего труда некоторыми специалистами в области философии, права и военных наук, начали появляться специальные монографические исследования, посвященные искусству, в которых идеи «Динамики» принимаются за основу.

Если моя ошибка заключается в игнорировании «красоты формы и технических навыков» (как говорит Гольденвейзер под маской Рембрандта и индианок), то это опять-таки утверждение голословное. Является ли то, что считается красотой формы и техническим мастерством, одинаковым для разных народов, культур и периодов? Если эта красота различна, то каковы ее основные формы? Не задаться ли вопросом: каковы причины этих различий и каковы факторы, определяющие преобладание той или иной основной формы? Почему в некоторые периоды красоту формы и технических навыков не видно в создании фресок в катакомбах, в то время как в другие эпохи и культуры они обнаруживаются в геометрических узорах или в формах кубизма, натурализма, импрессионизма? Почему на протяжении нескольких веков красота музыкальных форм обнаруживалась в григорианских песнопениях, тогда как в другие века ее усматривали в Бетховене или Вагнере, в джазе и эстрадном мурлыканье? Стоит остановиться на простой обывательской «красоте форм», и ничего не получится. Если бы мой критик был лучше знаком с явлениями искусства и современными проблемами его изучения, он вряд ли бы поставил вопрос в столь наивной манере.

Другой грех, в котором меня обвиняет критик, состоит в моем фактологическом исследовании тысяч картин и предметов искусства. Да, вместо того чтобы предаваться общим рассуждениям, использовать простой «метод иллюстраций» или даже импрессионизм, я проверяю свои теории и делаю выводы на основе изучения огромной массы соот-

ветствующих фактов. Даже по мнению моего критика, выступающего под псевдонимом Макса Вебера, такая процедура не грех, а достоинство проверки гипотезы фактами «реальной действительности». Если Гольденвейзер-Леонардо не может согласиться с Гольденвейзером-Вебером, то это проблема не моя, а моего критика. Если дефект процедуры состоит в том, что все картины имеют одинаковый вес в массовом исследовании, то это является внутренним дефектом статистики, но не лишает количественное исследование научной ценности. Так что я оправдан Гольденвейзером, выступающим под именами Вундта, Маха, ибо не одобряя разные оценки, даваемые мыслителям, они тем не менее одобряют простой их подсчет как равных единиц. Я могу предоставить обоим Гольденвейзерам решать их спор; когда они придут к общему выводу, я готов буду их выслушать и ответить на обвинение. А в настоящий момент противоречивые обвинения могут быть сняты. Показательно, что в этом пункте, как и в других, не было обнаружено ни малейшего логического изъяна и ни одной фактической ошибки в моих утверждениях.

По поводу неправильного использования понятия идеального типа. Во-первых, я не использовал версию М. Вебера, потому что, вопреки утверждению Гольденвейзера-Сократа, наилучшая формулировка понятия идеального типа давно была сделана Аристотелем в его учении о возможности и действительности, форме и содержании и в его анализе понятия и определения. Я следовал здесь за Аристотелем, а не за Вебером. Мой критик, по-видимому, не знает об этом. Очевидно, он также не предполагает, что любое реальное понятие — например, треугольник в геометрии — есть идеальный тип. Это означает, что проблема идеально-типических конструкций намного старше и гораздо сложнее, чем думает мой критик (и многие другие).

Далее, он критикует мои понятия основных типов культуры, потому что они взяты не из «познаваемой на опыте реальности». Во-первых, он не знает, как получены мои или чьи бы то ни было понятия. Во-вторых, совсем не важно, как возникает теория. Важно то, достойно ли она прошла проверку соответствующими фактами из «познаваемой на опыте реальности», с которой она имеет дело, подтверждают ли ее эти факты. В этом отношении Гольденвейзер не может обвинять меня — мало работ в современной социальной науке (если они вообще есть), которые содержат так много достоверных фактов, столь системно и с такой полнотой подобранных, как моя «Динамика». Надо забыть о трех четвертых объема моей работы, чтобы отважиться на такое обвинение. Критик мог бы попытаться доказать, что приведенные мною факты несущественны, недостаточны, полны ошибок, или что они не доказывают выдвинутых мною положений; вместо этого он выдвинул обвинение, которое отклоняется, стоит лишь бегло просмотреть мои тома.

По поводу тавтологичности моих дефиниций. Если внимательно почитать пример, приведенный критиком, то можно увидеть, что предикат

суждения подчеркивает «число характеристик», которые не подразумеваются в субъекте суждения. И с точки зрения учения Канта об аналитических (тавтологических) и синтетических суждениях, и с точки зрения любого логического учения о тавтологии ясно, что суждение, приведенное в пример, не является ни аналитическим, ни тавтологичным. Более того, критик, кажется, не подозревает о сложности проблемы тавтологии, аналитических и синтетических суждениях, а также об идентичности в философии и науке. Какова, например, природа математических суждений? Являются ли они аналитическими или синтетическими либо еще чем-то? Если они являются аналитическими (тавтологическими), как считают некоторые, то значит ли это, что они лишены познавательной ценности? Если же такая ценность у них есть, то значит ли это, что некоторые тавтологии дают наиболее плодотворные и наиболее достоверные результаты? Всем этим я хочу отметить, что проблема тавтологии бесконечно сложнее, чем думает Гольденвейзер. В каком-то смысле любое научное утверждение является тавтологией, и чем более оно тавтологично, тем выше его достоверность. Однако тавтологии бывают бесплодные и плодотворные. Плодотворные тавтологии (например, математические выкладки) нужно сначала открыть, и только после такого открытия они становятся тавтологиями. Для моего критика эти высказывания звучат, должно быть, как ересь, но если когда-нибудь он пожелает просветиться по поводу этих «парадоксов», то сможет найти некоторые указания в четвертом томе.

По поводу временных периодов «Динамики». В этом разделе Гольденвейзер, во-первых, искажает Моммзена. Великий историк вынужден иметь дело с долговременными тенденциями и выделять достаточно длительные периоды времени по одному признаку. Например, «в течение целого поколения Римское государство пользовалось полным покоем» (История Рима, т. III, гл. 2). Конечно, в этот период происходило много изменений даже в плане спокойствия; и, конечно, в разных частях Римской империи возникали проблемы и волнения, да и спокойствие бывало разной степени; и тем не менее Моммзен, «как коллега Сорокин» и вопреки предписанию Гольденвейзера, без колебаний делает свое заявление. В других местах своей «Истории», и особенно в своих работах по истории римского права, в частности уголовного права, Моммзен имеет дело с периодами, охватывающими жизнь нескольких поколений, и без каких-либо колебаний «сваливает их в кучу». Это еще более справедливо в отношении Э. Мейера и практически любого великого историка. Критик побеспокоил дух великого историка напрасно. Во-вторых, во всех моих списках исторического материала — войн, революций, мыслителей, картин, скульптур, художников, изобретений и т. д. — большинство из них датированы именно по годам событий, когда точные даты известны; когда же точный год неизвестен, они датируются по 10-летиям или 25-летиям, в пределах которых происходили. Поэтому критик не имеет оснований для обвинения меня в том, что

я просто «сваливаю века в кучу». В-третьих, эти датированные события действительно объединяются в периоды длительностью в 20, 25, 50 и 100 лет. Есть ли какое-либо нарушение логики в таком объединении? Нет. Все зависит от того, какие тенденции и флуктуации изучаются, длятся ли они недолго или это долговременные движения. Нет никакой логической причины, которая предписывала бы использовать периоды в одну минуту, в один день либо один год или же в сто, тысячу и миллион лет. По сути, астрофизики используют интервалы в миллионы и миллиарды лет; биологи и палеонтологи имеют дело с периодами в сто тысяч лет; археологи оперируют интервалами в столетия и тысячелетия. В социальных науках, как и в современных исследованиях колебаний деловой активности, есть тенденция к постепенному расширению интервалов времени для изучения все удлиняющихся флуктуаций экономических условий. Экономисты уже обучаются тенденции длительностью в 25, 48 и 100 лет. Все эти банальности были бы не нужны, если бы критик не выступил со своим наивным обвинением. Таким образом, «история не проскальзывает в ячейки моего невода». Он поймал довольно много крупных рыб. Критик мог бы попытаться показать, что невод поймал не ту рыбу (чего он не делает), но у него нет оснований отрицать, что рыба — в сети. Самый смешной аспект этого обвинения, однако, составляет тот факт, что он устанавливается антропологом, у которого разрозненные немногочисленные данные, как правило, не имеют ни даты, ни времени, и дисциплина которого не стесняется строить широкие обобщения на основе этих безвременных и вневременных фрагментов фактов. Вот уж поистине *medice cura te ipsum*^v.

По поводу моего антиэволюционного радикализма. «Не виновен» — таково мое возражение. Все мои выводы о ненаправленных флуктуациях касаются только изученного периода и исследованных культурных систем. Мои выводы держатся на них. Ни Гольденвейзер, ни кто-либо другой не в состоянии изменить приговора, вынесенного на основании данных, настолько полных, насколько это возможно.

По поводу «игнорирования и неправильного толкования моих предтеч и предшественников». Что касается статьи «антрополога инкогнито» (очень даже известного), то да, я ее не упомянул. Но входит ли в мои обязанности упоминать все статьи всех популяризаторов? Это обвинение вместе со словами о том, что я игнорирую и неправильно интерпретирую реальных разработчиков тех проблем, которые я решаю, абсолютно беспочвенно. Во всех основных своих трудах я упоминаю, цитирую и указываю предшественников любой важной социальной теории, наверное, более тщательно и полно, чем это делают большинство социологов, антропологов и обществоведов, и уж, конечно, больше, чем это делает Гольденвейзер. Он редко упоминает каких-либо реальных предшественников любых его идей и идей его друзей, за исключением нескольких имен своих «подопечных». Во всей «Динамике» — в тексте, в сносках, а также в добавлениях — разве я не называл сотни и тысячи имен любого течения мысли, какого

я касался, начиная с древней Индии и Греции до настоящего времени? Даже в том, что касается циклической и эволюционной концепции социальных процессов, разве не названы в одной главе (т. II, гл. X) сотни имен предшественников и представителей этих теорий, большинство из которых вряд ли известно моему критику? Точно так же в отношении органической концепции общества разве в главах 7 и 8 (т. II) не перечислены систематически сотни имен представителей этих теорий с VI в. до н. э. до 1920 г.? Я просто удивляюсь, как можно выступать с подобной критикой, когда обычное перелистывание томов показывает ее ошибочность. Даже американские и иные антропологи — Боас, Кребер, Уисслер, Бенедикт, Сапир, Малиновский, Уоллис и многие другие, в том числе имя самого критика (в перекрестной ссылке) — цитируются и упоминаются, а некоторые имена, как, например, Боас, много раз. Будучи, несомненно, неправым в своем обвинении, критик ошибается и в том, что провозглашает себя и других современных антропологов авторами ряда открытий, которые, собственно, были сделаны задолго до того, как современные антропологи начали их повторять.

Довольно! Я ответил практически на все существенные обвинения Гольденвейзера. «Цикута» и «ядовитый газ» его критики оказались лишь мутной водицей, совершенно безвредной для «Динамики». Она ничего и никого не может «ни подмочить, ни осквернить», кроме самого критика.

Harvard University

(Journal of Social Philosophy. 1938, Vol. 3, No. 4, Winter, P. 359–364)

ⁱ Umschwung der Idee (*нем.*) — переворот (смена) идей.

ⁱⁱ Aus der Luft gegriffen (*нем.*) — взяты из воздуха.

ⁱⁱⁱ Il clôt son troisième tome par un petit chef-d'œuvre de littérature (*франц.*) — он завершает свой третий том маленьким литературным шедевром.

^{iv} “Ideenkunst und Sinnenkunst: Zu Pitirim Sorokins Lehre von der Fluctuation der Kunstformen” (*нем.*) — «Идея искусства и смысл искусства: К учению Питирима Сорокина о флуктуации форм искусства».

^v Medice cura te ipsum (*лат.*) — врач, исцели самого себя.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапов Вадим Вениаминович — старший научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (495) 951-24-46. **Электронная почта:** vadven56@yandex.ru

Дата поступления: 17.12.2021.

Archive

*VADIM V. SAPOV*¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

**“SOCIOLOGOS: PLATONIC DIALOGUE” BY ALEXANDER GOLDENWEISER
AND “PSEUDO-SOCIOLOGOS. A REPLY TO PROFESSOR GOLDENWEISER”
BY PITIRIM SOROKIN**

Abstract. For the reader’s consideration — an article never before translated to Russian written by American anthropologist Alexander Goldenweiser, where he attempts to dismantle the first three volumes of Pitirim Sorokin’s “Social and Cultural Dynamics” that came out in 1937. In it he comprehensively criticizes Sorokin’s “Dynamics” to the point where he completely refutes all of it. The article is written in the form of a “platonic dialog” partaken by world famous scientists, artists and sociologists, with Socrates himself presiding on this “Areopagus”, who, after hearing out the prosecution, sentences Sorokin to capital punishment. Sorokin responded with an article where he analyzed all charges against him and issued his own decisive verdict — “not guilty”. The publication is meant to commemorate 85 years since the release of the first three volumes of “Social and Cultural Dynamics”.

Keywords: “Social and Cultural Dynamics”; Pitirim Sorokin; Alexander Goldenweiser; principle of limited capacity; basic limiting principle; the history and methodology of sociology; American sociology; anthropology; scientific debate.

For citation: “Sociologos: Platonic Dialogue” by Alexander Goldenweiser and “Pseudo-Sociologos. A Reply to Professor Goldenweiser” by Pitirim Sorokin. Transl. from Eng. by V.V. Sapov. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. No. 3. P. 133–149. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9155

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Sapov — Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Phone: +7 (495) 951-24-46. **Email:** vadven56@yandex.ru

Received: 17.12.2021.
